

Есть один злободневный анекдот о молодой учительнице. Директор школы, принимая её на работу, предупредил: «У нас очень много трудных подростков, опытные преподаватели к выпускным экзаменам едва успевают их научить хотя бы слагать и вычитать...» «А дайте мне самый трудный класс!» — решительно потребовала молодая учительница. И вот когда начались занятия, директор осторожно дверь приоткрыл в её класс и глазам не поверил. Учительница за своим столом увлеченно маникюр свой поправляет, а школьники, головы над тетрадками усердно склонив, какую-то задачку решают. Конечно же, после занятий директор поинтересовался у учительницы, как ей это удалось. «А я зашла в класс и сразу же всех как следует обматерила. И в результате они проявили ко мне вполне живой интерес. А я моментом воспользовалась и тут же их озадачила. «Дети, — сказала я им, — знаете ли вы, что по статистике столько-то девочек в каждом классе после десяти лет обучения теряют невинность. И вот мне стало интересно, сколько утраченных невинностей на каждый класс вашей школы в среднем приходится на каждый учебный год!» «Неужели они справились?» «Все до единого!» — можете сами тетради проверить!» — похвасталась учительница. «В таком случае, — робко сделал вывод директор, — у меня к вам только две просьбы. Постарайтесь ошеломлять их какими-нибудь культурными способами... И еще, знаете ли, школьники, бывает, теряют и авторучки, и учебники... Вот вы на следующих занятиях задачки им предлагайте про подобного рода утраты...» «В таком случае, — рассудила учительница, — ответьте мне на мой вопрос, только честно. Неужели вас можно ошеломить и научить тому, что вам абсолютно не интересно?»

Анекдот этот я вспомнил после того, как прочитал статью в «Новой газете». Начиналась она так: «29 апреля 2021 года Союз писателей России опубликовал документ «К формированию национального самосознания. Финальный список литературы, рекомендуемый Союзом писателей России для восстановления отечественного школьного образования». Его консервативно-патриотический вектор вызывает гамму эмоций — от иронии до досады». Название публикации: «Читать Достоевского — все равно что смотреть, как топят котят».

«Современные подростки под влиянием идей «новой этики» совершенно по-иному воспринимают классическую литературу», — констатирует «Новая газета» и ссылается на вот эти их суждения:

«Москвичка Анна Смирнова (18 лет), будущий психолог, назвала допушкинский период «серой массой», из которой что-то «вытарчивается». Метафора безрадостная, но точная: архаика и правда утомительна.

Неудивительно, что сюжет «Бедной Лизы» сентименталиста Карамзина у юных читательниц вызывает возмущение.

«Лиза повисла на парне, мол, люблю не могу. Оказалось, что он безответственный и бросил ее, когда проиграл кучу денег. А Лиза вместо того, чтобы успокоиться, подумать, что теперь делать, решила, что можно не париться, и утопилась. Ведь зачем напрягаться? Зачем решать свои проблемы? Зачем думать о своих близких, которые будут по тебе горевать? Можно же просто взять и утопиться!» — негодует 16-летняя Наташа из Петербурга.

Примерно так же рассуждает Анна: «С высоты века феминизма выбор бедной Лизы смешной. Как и у Джульетты, которая то ли отравилась, то ли закололась».

Я осуждаю постановку вопроса: либо тебя любят, либо ты топишься. Могла стать великой поэтессой, а вместо этого утопилась».

Зато в Пушкине прогрессивные читатели разглядели «в некотором роде феминиста», поскольку многие его героини «вполне самодостаточные женщины, с сильным чувством собственного достоинства, чести, умные и смелые». Впрочем, «наше все» порцию критики тоже получил: будущий психолог 19-летняя Ярослава убеждена, что «Евгения Онегина» «в силу другого времени надо воспринимать как басню, потому что это «комедия, над которой смеялись в салунах».

С недоумением относятся школьники также к Гоголю, Достоевскому и Льву Толстому:

«В Гоголе молодежи несимпатичны «неуверенные в себе герои» «Петербургских повестей»: то «на шинель копят», то «нос теряют». Студент журфака СПбГУ Даниил недоумевает, вспоминая «Мертвые души»: «Пороки у человека были всегда, поэтому неясно, для чего еще одна книга об этом. Поэма прекрасна, сатирична и бодра на события, но затрагивает проблемы именно XIX века, оттого они и не актуальны».

Достоевскому, как ни странно, повезло чуть больше. Ранимые «снежинки» (поколение 20-летних) к писателю равнодушны. Он и волнует, несмотря на спорные мотивы персонажей, и раздражает. «Читать Достоевского — все равно что смотреть, как топят котят. Мучительно. Я не понимаю, зачем «Преступление и наказание» в школьной программе. То, что Достоевский нагнетает мерзость, отталкивает», — морщится Анна.

В «Войне и мире», оказывается, не хватает экшена, только «метания под дубом». Так, 19-летняя Наталья Усова, студентка Сибирского федерального университета, будущий системный аналитик, «не нашла в романе для себя ничего нового, потому что про праздную элиту есть почти у каждого писателя». А Анна призналась, что «бал Наташи Ростовой — это медитативное чтение, чтобы «прочистить голову».

Ярослава Морник училась в школе в Красноярске. Говорит, что ее раздражала «Война и мир» как «сериал, написанный на бумаге». Девушка назвала роман «нудным, непонятным», потому что «сейчас другое время, другие взгляды и ценности».

Подростки-«снежинки» свое психологическое здоровье охраняют как крепость и оценивают, насколько им полезна безысходность в том или ином тексте. «Гроза» Островского и «Тарас Бульба» кажутся неподходящими из-за жестокости и «не детских тем». Помимо несовпадения ценностей, непонимания мотивов, они негодуют, вспоминая школьный курс литературы, зачем им «мрачняк», например, «На дне» Горького. «Снежинки» прагматичны. Студентка журфака СПбГУ Александра Долгополова об «Обломове» отозвалась так: «Почему я

должна всю книгу читать про прокрастинацию какого-то чувака, которого еще и на деньги разводят?»

«11-классники, обсуждая «Анну Каренину», искренне сказали, что не понимают, в чем проблема: ну развелась и развелась, — говорит Мария Черняк. — Это к разговору о понимании исторического контекста. Есть исследования о том, что эмоциональный фон младших школьников абсолютно изменился: они меньше смеются над книгами, не сопереживают героям».

А ведь когда-то в моей сельской школе дети и подростки вроде бы тоже не имели жизненного опыта Тараса Бульбы, Андрея Болконского и Анны Карениной, но наши школьные учителя, отличающиеся от обыкновенных сельчан лишь немного более притязательными прическами и одеждой, как-то сумели еще в начальных классах расширить наш кругозор и показать, что не только за пределами нашей околицы, а и в давно минувшие времена жили-были такие же, как и мы, люди. И если многим из нас в школьный период решимости не хватало прочесть «Войну и мир» насквозь, то все равно, герои и события этого романа даже и со слов учителей входили в наше сознание столь же основательно, как и опыт нашей реальной жизни. По крайней мере, среди большинства студентов гуманитарных вузов если затем и встречались равнодушные к русской классике, то всем нам было понятно, что предел их мечты стать самыми современными и самыми стильными «чуваками» и «чувихами», а не филологами или историками.

Хотя некоторые из них в филологах все-таки потом оказались. Например, составленный Союзом писателей России список литературы для школьников профессор кафедры русской литературы РГПУ им. А.И. Герцена, доктор филологических наук Мария Черняк назвала «ужасным» на том основании, что «его авторы были заморожены в 1985 году и не в курсе, что мы живем в третьем десятилетии XXI века».

А ведь если бы Мария Черняк более внимательно слушала лекции профессоров, преподававших ей историю отечественной литературы, то она понимала бы, что «замороженной» она сама является, и не в 1985, а в 1917 году, когда Троцкий с такой же, как и у неё, «прогрессивностью» утверждал, что в новой исторической реальности Достоевский — это всего лишь «гений с непоправимо ущемленной душой», а Льву Толстому «история отказала в понимании революционных идей». И только в 30-е годы, как мы помним со своих студенческих лет, троцкизм был с «корабля современности» сброшен, а русская классика — возвращена. В результате страна превратилась в сверхдержаву, способную победить всю «единую Европу», работающую на фашистскую Германию.

Кому-то может показаться, что Черняк от Троцкого отличается мышлением, свободным от идеологической зашоренности. Но подобно тому, как троцкисты были зашорены стремлением создать «нового человека», так и бывший министр образования А. Фурсенко в 2007 году на Селигерском молодежном форуме необходимость реформирования сложившейся у нас в стране системы образования объяснил следующей задачей: «Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы вырастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других».

Более того, глава «Сбербанка» Г. Греф, тоже озабоченный реформированием образования, даже и объяснил причину столь диковатой идеологии реформ. На одном из питерских экономических форумов он вполне откровенно заявил: «Как

жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, получая её не через обученных правительством аналитиков...?»

То есть, вполне получается, что и сама «Новая газета», и авторитетная для неё профессорша филологии М. Черняк — это и есть «*обученные правительством аналитики*». А «*современные подростки, под влиянием идей «новой этики» совершенно по-иному воспринимающие классическую литературу*», — это не типичные двоечники, а воспитанные реформированной Фурсенко школой «*квалифицированные потребители*».

И самым продвинутым среди «*обученных правительством аналитиков*», видимо, является педагог Антон Скулачев, поскольку он даже и возглавляет ассоциацию «Гильдия словесников». Подобно юной учительнице из анекдота, он (в пересказе «Новой газеты») уверен, что дети должны быть соавторами школьной программы и вместе с учителем выбирать литературные произведения, что «*программа может идти от ученика и его интересов, перестраиваясь подобно конструктору*». И еще он утверждает, что идеологизация текстов, доставшаяся нам в наследство от советской школы, вызывает аллергию у школьников. «*Так, в школьной традиции «Тарас Бульба» превращен в то, чем он не является, — говорит он: — в идеологизированную повесть о том, как нельзя предавать родину, и как хорошо, когда отец убивает сына, предавшего родину*».

Я не могу судить, действительно ли не знал никогда глава «Гильдии словесников», или «обучен» не знать о том, что и в советские времена, и при жизни Гоголя, героической считалась гибель самого Тараса Бульбы, а то, что его сын предал Родину, — всегда воспринималось как личная трагедия казачьего атамана, поскольку ему пришлось выбирать между сочувствием к своим боевым товарищам, против которых его сын стал сражаться, и своим отцовским к сыну снисхождением.

С другой же стороны, новая трактовка гоголевского Тараса Бульбы обусловлена новой, уже постсоветской идеологией, продиктованной «*новой этикой*» нашей теперь уже постсоветской элиты. Ну, давайте представим, что казацки элиты времен Тараса Бульбы и он сам имели бы счета и недвижимость в Варшаве, а дети их являлись бы подданными короля Польши. Тут уже и у Тараса Бульбы появился бы вполне житейский повод не вызывать у поляков подозрения в недружелюбии. И повесть была бы уже о том, как Янкель объясняет Тарасу Бульбе, почему выгоднее платить налоги в оффшорах, и чему учить надо детей в школах, чтобы ляхи не арестовали его варшавские счета как средства, добытые не санкционированными Польшей походами.

Вот и получается, что уже объявлена Россия странами НАТО «главной военной угрозой», уже и Украину НАТО вооружает против России точно так же, как когда-то гитлеровскую Германию США накачивали финансами против СССР, а реальное, не только на словах, отношение власти к современной русской литературе остается соросовским.